

XLV

«Не смейте исполнять приказанного вам, пока я не переговорю с пашой; будьте уверены, что он не обвинит вас за промедление». Слуги повинутся из уважения к одному ее величественному виду. Она же спешит к Аладдину и встречает его на пути.

XLVI

«Я – Клоринда, – объявляет она. – Может быть, ты слышал мое имя; я пришла сюда защищать вместе с тобой, государь, общую нашу веру и твою страну. Прикажи, я готова на всякий подвиг: грозных я не боюсь, смиренных не оскорбляю. Захочешь ли ты воспользоваться моей силой в стенах города или в открытом поле, я не откажусь ни от чего».

XLVII

Смолкла Клоринда, и паша отвечал ей: «Где есть такая далекая от Азии или от солнца страна, до которой не достигла бы слава твоего имени, о знаменитая дева?! Отныне, когда твой меч соединяется с моим, я не боюсь никакой опасности. Целая армия, присоединившаяся к моим войскам, не могла бы меня столько обрадовать и успокоить».

XLVIII

Мне кажется, я желал бы теперь даже ускорить медленное шествие Готфрида. Ты просишь меня употребить в дело твои силы; я считаю тебя достойной одних только важных и трудных поручений. Вручаю жезл власти над моим войском, воля твоя да будет их законом». Так он сказал; Клоринда благодарит его за честь и снова обращается к нему:

XLIX

«Тебе покажется страшным, что я желаю получить награду прежде заслуг; но я рассчитываю на твою снисходительность. Награди меня за будущую службу освобожде-

нием тех двух преступников: отдай мне их в дар. Вина их не доказана, и приговор безжалостен; впрочем, я не говорю ни об этом, ни о другом, что служит к их оправданию».

L

Скажу одно: здесь все убеждены, что образ был похищен христианами; но я думаю о том иначе, и имею на то немаловажную причину. Кудесник (il mago) дал совет, противный написанному закону: несприлично в наших храмах помещать идолы, и притом чуждые нам идолы.

LI

Итак, я приписываю Магомету (Mason) все это чудо: это сделал он, чтобы показать, что храмы его не следует осквернять новой религией. Пусть Исмен кудесничает, сколько ему угодно: его дело, вместо оружия, употреблять волшебство; но мы, рыцари (cavalieri), работаем мечом: в нем все наше искусство, и на него одного мы возлагаем наши надежды».

LII

Сказав это, она умолкла. Хотя паша в гневе целегко склоняется на милость, но из угождения Клоринде соглашается, убежденный и ее доказательствами, и настойчивостью просьбы. «Да будет возвращена им, повелевает он, и жизнь, и свобода; такому ходатаю не может быть отказа ни в чем. Правосудие ли это с моей стороны или прощение, но, во всяком случае, повинны они, я их оправдываю, виновны – прощаю».

LIII

Так сняли с них оковы. Жребий Олинда был счастлив: ему представился, наконец, случай показать то, что должно было возбудить любовь признательного сердца. Они идут с костра к бракосочетанию, и при этом не только преступник превращается в жениха, но и влюбленный в любимого. Софрония соглашается жить с ним вместе, если нельзя было вместе умереть.